

Заровнядный Николай Александрович

**Спутник самоучки. Сборник
статей и материалов в помощь
начальному самообразованию**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович З.**
Спутник самоучки. Сборник статей и материалов в помощь начальному самообразованию
/ Заровнядный Николай Александрович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 336 с.

ISBN 978-5-519-85746-8

ISBN 978-5-519-85746-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ.

Настоящий сборник предназначен для городского читателя, обладающего небольшой подготовкой—примерно за школу политграмоты. Имеется в виду дать первоначальные простейшие указания для работы в одиночку. За дальнейшими указаниями товарищам необходимо обращаться к литературе и специальным журналам по самообразованию. При подборе списков не имелось в виду рекомендовать товарищам прорабатывать все списки и всю названную литературу; наоборот, мы советуем выбрать один-два вопроса и на них побольше задержаться.

Работа в одиночку все же недостаточна, ее следует дополнять работой в кружках, поэтому в „Спутнике“ даны небольшие указания об организации и методах кружковой работы. Кружкам следует работать не по спискам книг, а по особо разработанным программам-конспектам. Такие именно программы имеются в журналах „Помощь Самообразованию“ и „Коммунистическая Учоба“. Отдел помощи самообразованию ГПП подготавливает к печати ряд программ и небольших сборников в помощь кружковой работе.

Составитель поставил себе скромную задачу—собрать в одном небольшом томике все наиболее ценное, что имеется в многочисленных изданиях по самообразованию. Используются главным образом журналы „Помощь Самообразованию“, „Книгоноша“ и отдельные издания — Керженцева П. М., Крупской Н. К. и др.

Оказалось, что многие вопросы начального самообразования не разработаны. Поэтому часть материалов написана специально для „Спутника“.

В составлении книжки приняли участие своими статьями следующие товарищи: проф. Александров Н. П., Базилевич Л. И., Васильев М. П., Вовин, Давыдов В., Лосев В., Лукачевский А. Т., Михалевский Ф., Муралевич В. С., проф. Сыромятников Б. И., Фрейман В. И. и Щукарь М. И.

Составитель обращается к товарищам, занимающимся самообразованием, с горячей просьбой написать свои замечания по поводу настоящей книжки (Москва, Сретенский бульвар, 6, кв. 52. Отдел помощи самообразованию ГПП).

САМОУЧКИ

„Мы должны во что бы то ни стало поставить себе три задачи: во-первых, учиться, во-вторых, учиться, в-третьих, учиться“.

Л е н и н.

Как я получил образование.

Свое образование, или правильное—развитие, я начал с сельской школы, учителем был крестьянин-старик, который получал что-то около рубля или меньше за зиму ученья с каждого ученика и, насколько я помню, его по очереди кормили. Всего учеников было человек двадцать. Школа помещалась у одинокого старика в большой черной избе. Расставили несколько столов, скамеек,—и школа готова.

Учился я по церковно-славянской азбуке, большинство же—по русским азбукам. Ученье шло самым первобытным образом: все двадцать человек читали вслух, каждый свое, получался непрерывный гул.

В такой школе я пробыл месяца три, выучил буквы, двойные и тройные слоги и уже стал складывать слова. На следующую зиму я имел возможность уже поступить в настоящую школу, в земское народное училище, где курс был четырехлетний. Там я на ученье набросился, как голодный на еду. С осени до рождества я прошел два класса—младший и полусредний—и вступил в средний.

Как только научился читать, так я набросился на книги школьной библиотеки, которая в большинстве состояла из религиозных книг, главным образом из житий святых. За два года я окончил школу и вместе с тем прочитал школьную библиотеку. К концу мне учительница стала давать кое-что из собственных книг. Летом, хотя было и не-

когда читать постоянно, я все-таки урывками прочитал несколько книг из библиотеки соседнего помещика.

Таким образом после окончания сельской школы я уже довольно сильно приистрастился к чтению, и у меня было большое желание учиться.

Учение в Питере.

Питерская обстановка позволяла сказать, чтобы меня поставила в очень благоприятные условия в смысле обучения, но все-таки я был мальчиком в семье, где было много учащихся, которые со своей стороны стремились идти навстречу моему желанию учиться, и даже, насколько помню, некоторые давали мне уроки, во всяком случае помогали мне в том, в чем они сами разбирались. Затем они меня снабжали в достаточном количестве необходимыми книгами.

По приезде из деревни в Ленинград я набросился на газеты и более всего на „Новое Время“, потому что оно именно было „новое время“. Я думал: вот это-то новое мне и требуется,—знать, что делается сейчас в мире. И в газетном материале меня больше всего интересовали отделы дипломатии и политический ¹⁾. Разумеется, мое ученье было в высшей степени бессистемно ²⁾: главным образом читал то, что попадется под руку и что было в библиотеке моих господ. Между прочим с очень раннего возраста я стал знакомиться с нелегальной литературой ³⁾, как „Поллярная Звезда“, „С того берега“ Герцена и другие революционные подпольные издания. Но мое мировоззрение было очень умеренно—оно было умереннее, чем у моих господ. Из легальной ⁴⁾ литературы, пока я жил у Болтовских мальчиком, я прочитал русских классиков ⁵⁾ почти полно-

¹⁾ То-есть те части газеты, где говорится о сношениях русского правительства с иностранными государствами и о направлении внутренней жизни государства.

²⁾ Без определенной цели, без плана.

³⁾ То-есть с книгами и журналами, издававшимися революционными организациями тайно от царского правительства.

⁴⁾ Свободно обращавшейся, с разрешения царского правительства.

⁵⁾ Русские классики—это образцовые, лучшие русские писатели прошлого времени: Пушкин, Гоголь, Лермонтов и др.

стью и целый ряд научных трудов, как „Жизнь животных“ Брэма, Джона-Стюарта Милля и т. д. Одним словом, ученье шло враспыленную, от философии до беллетристики, и когда я поступил на завод,—литературно был уже довольно грамотный.

На общественную работу.

В заводе общественная жизнь у меня началась с того момента, как я встретился с туляками-рабочими. Это была молодежь, приехавшая из Тулы и поступившая на работу на Путиловский завод. Они там были в воскресной школе, кое-кто побывал в нелегальных кружках, читали главным образом народническую¹⁾ литературу, как Глеба Успенского, Слепцова, Златовратского и т. д. Наша встреча как бы столкнула две культуры: я был знаком с русской классической литературой, но зато был слаб в народнической, туляки обратно,—они были мало знакомы с нашей изящной литературой, зато хорошо знали народническую.

При взаимном обмене мы организовали кружок, библиотечку, как легальную, так и нелегальную, которую составляли из ежемесячных взносов. Около этого же времени, также через туляков, мы завели связь с нелегальной организацией, с Р.С.-Д.Р.П.²⁾, которая прислала нам пропагандиста, с которым у нас были занятия месяцев восемь-девять регулярно. В тот же период времени я посещал техническую вечернюю школу, которую и окончил.

Затем с каждым годом начал принимать все большее и большее участие в политической работе, и в 99-м году я был арестован и сделал первую высылку в десять месяцев.

¹⁾ Народники — общее название политических партий (народные социалисты, революционеры и другие), которые утверждают, что Россия придет к социализму своим особенным путем, без развития капитализма и пролетарской революции, а путем постепенного развития крестьянской общины. Народники отражают взгляды мелкой буржуазии—кулаков, владельцев небольших заводов и мастерских, торговцев и т. д.

²⁾ Р.С.-Д.Р.П.—начальные буквы названия Российской Социал-Демократической Рабочей Партии; так называется ныне партия русских меньшевиков, так же назывались до 1918 года и большевики.

В тюрьме человек располагает большим временем: здесь работать не только не заставляли, но политикам даже было запрещено, и поэтому эти десять месяцев были целиком посвящены, если можно так выразиться, на просвещение. А потом так год за годом обучение или, вернее—самообразование, идет параллельно течению жизни.

М. И. Калинин,
председатель ЦИК СССР.

Как читает рабочий.

(Из романа А. Бирик—„К широкой дороге“).

Однако же, как ни храбрился Игнат, а было ему невесело,—так невесело, что он стал мечтать о переезде в какой-нибудь другой город,—всего лучше, конечно, к морю, или где есть большие, непроходимые леса, реки.

Но вот раз пришел Артем ¹⁾ и с плохо скрытым лукавством дал ему книгу, а в ней указал одну статью.

— Прочти,—сказал,—а потом потолкуем.

И ушел.

Игнат запустил станок на холостую и присел к ящику.

Книга была томом сочинений Писарева, а подчеркнутая статья—„Прогресс в мире животных и растений“.

Как начал Игнат, так и не мог оторваться. В центрах давно выгорело сало и отчаянно пицало. Черницын ²⁾ бросал в ящик гайками и кричал:

— Эй философ! Зачитаешься!

Он не обращал на это внимания; только когда подошел Золотко, оставил чтение и принялся за работу.

— Читаете, молодой человек?—ехидно спросил подмастерье, пощипывая бородку.—Что ж, хорошее дело...

— Штраф! — подумал Игнат, когда Золотко ушел в контору; но это его не задело: слишком много было в голове огромных мыслей и слишком взволнован был ими.

Придя домой, даже не умылся и тотчас засел за книгу. К счастью, отец работал вечер.

¹⁾ Артем — приятель Игната, рабочий-интеллигент.

²⁾ Черницын — отсталый рабочий.

Читал лихорадочно, с нетерпением перескакивал через фразы и страницы и едва мог заставить себя возвращаться и читать пропуски. Наталья то принималась зудить, то выпрашивала про Максима...

Игнат зажал уши и не отвечал. Наталья плюнула, наконец, обругала „калмыком“ и ушла к соседке, муж которой тоже работал вечер.

Наконец, статья была прочитана. Закрыв книгу, Игнат долго еще сидел над ней и смотрел перед собой неподвижным, далеко ушедшим взором.

И вдруг прежний луч, но более сильный, как яркий метеор, тяжело прорезал хаос и осветил все, даже то, что лежало на страшной глубине,—и все показалось понятным. Это была одна лишь минута. Но когда она прошла, прежней тьмы уже не было, и в груди Игната трепетно билась, как только что пойманная птица, одна правда, один ответ:

— Да, так не было—и так не будет!

Не было прежней тревоги. Он был уверен, что она, эта огромная мысль, осталась у него, если не в голове, то где-то там, внутри. После оденет ее словами!

И, шагая по комнате, он чему-то улыбался и ступал по доскам так, словно нес сосуд с драгоценной влагой и боялся выплеснуть...

Открыв портрет Писарева, долго всматривался в его лицо, будто желая убедиться, можно ли ему верить, и вдруг порывисто, в бесконечной признательности поцеловал его.

С добродушной иронией взглянул на иконы.

Вернулась Наталья ¹⁾. Она была навеселе.

— Батко не пришел еще?

Игнат словно издали посмотрел в ее дряблое лицо с небольшим грушевидным носом и низким лбом и громко расхохотался.

— Знаешь, откуда человек произошел?—спросил он шумно.

— Тебе рано про то знать. От батка с матерью!

Игнат приблизился и сказал:

¹⁾ Наталья—мать Игната.

— От обезьяны!

Наталя заморгала глазами, и с минуту язык не хотел ей повиноваться. Развела затем руками и пропела:

— Вот так прекра-асно...

Игнат хохотал.

В это время пришел Максим, хмурый, озлобленный. Бросил шапку на стул и простоял с минуту, ни на кого не глядя.

Наталя сразу же стушеввалась и, неслышно скользя по комнате, стала накрывать на стол.

Максим повернулся к Игнату.

— Ну, сыночек, поздравляю...

— С чем?—удивился Игнат. А лицо все еще смеялось. Максима прорвало.

— Разве то не тебя оштрафовали?

Игнат на мгновение стал озабоченным. Но смех, неудержимый и непонятный, болезненный смех с новой силой брызнул из глаз, заиграл на ярких губах...

Наталя ни с того, ни с сего брызнула тарелкой и плаксиво воскликнула.

— Какая я тебе обезьяна?!

— Что-о?—рывкнул изумленный Максим, предчувствуя новое колено со стороны сына. Игнат расхохотался ему в лицо и, прежде чем Максим пришел в себя, сорвал с гвоздя шапку и вышел из комнаты.

За воротами перестал хохотать и задумался. Дома теперь неминуема ссора. Махнул рукой и бодро зашагал к Артему.

Наш „университет“.

(Из воспоминаний П. Гусева.)

Через полгода после вступления в институт я оказался в стенах предварилки (дом предварительного заключения).

Держали нас тогда в строго-одиночном заключении. И тут-то началась действительная работа по изучению марксизма. В тюрьме я проштудировал II и III томы „Ка-